Василий Осипович Ключевский

Иван Грозный

Часть сборника
Исторические портреты

Исторические портреты

Василий Ключевский

Иван Грозный

«Public Domain»

Ключевский В. О.

Иван Грозный / В. О. Ключевский — «Public Domain», — (Исторические портреты)

ISBN 978-5-457-11690-0

«Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей…»

ISBN 978-5-457-11690-0

© Ключевский В. О.
© Public Domain

Василий Осипович Ключевский
Иван Грозный

Иоанн IV Грозный.
По рисунку XVI в.

Детство. Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неесте-

ственное, болезненное развитие. Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: «Родственники мои не заботились обо мне». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с летами превратилась в глубокое недоверие к людям.

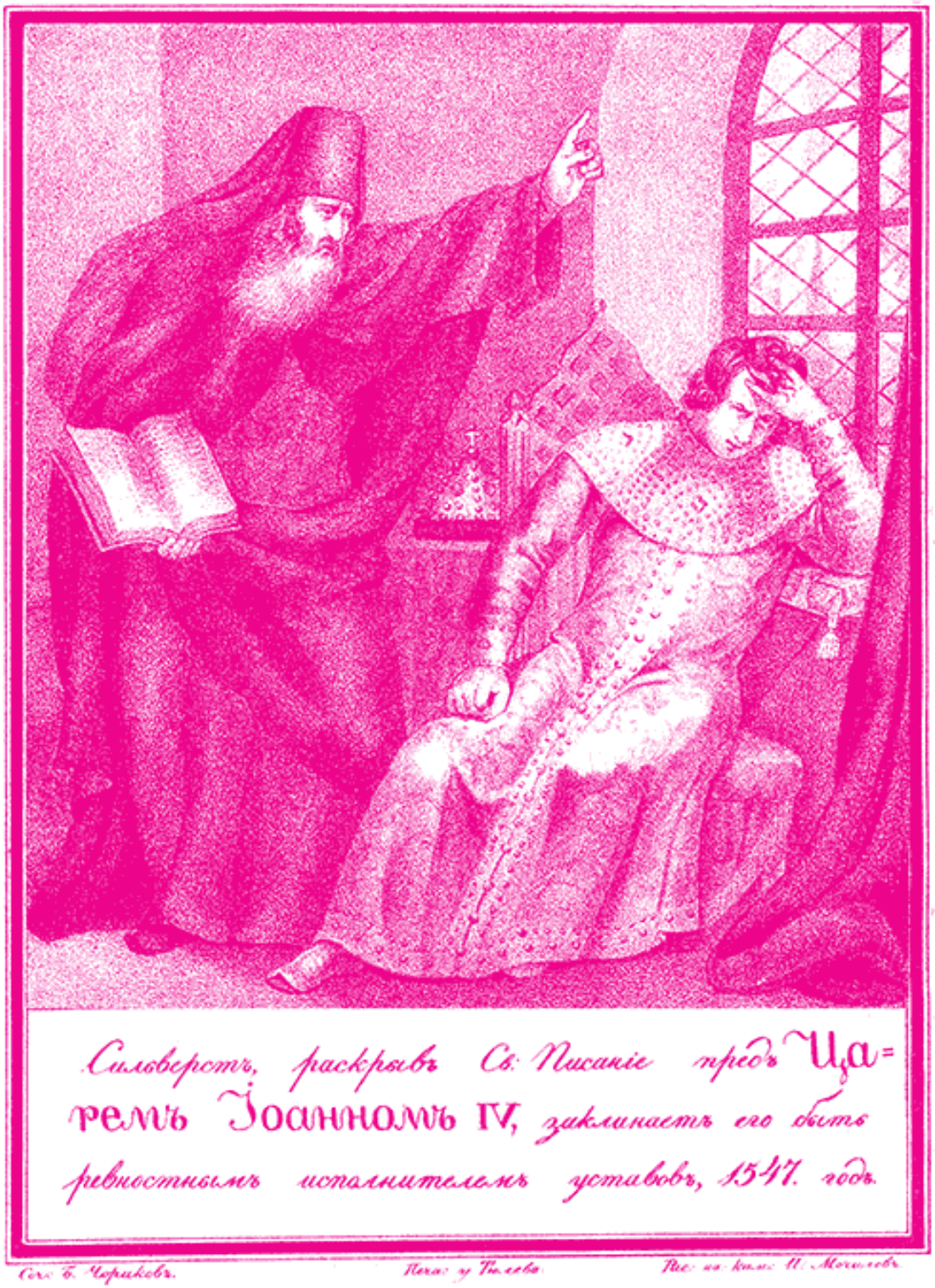
В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие или пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к князю Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем, держали как убогих людей, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту. В торжественные, церемониальные случаи – при выходе или приеме послов – его окружали царственной пышностью, становились вокруг него с раболепным смирением, а в будни те же люди не церемонились с ним, порой баловали, порой дразнили. Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, а первенствующий боярин князь И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрется локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на нее положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного. Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали как государя и оскорбляли как ребенка.

Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами. К тому же он был испуган в детстве. В 1542 г., когда правила партия князей Бельских, сторонники князя И. Шуйского ночью врасплох напали на стоявшего за их противников митрополита Иоасафа. Владыка скрылся во дворце великого князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за ним во дворец и на рассвете вломились с шумом в спальню маленького государя, разбудили и напугали его.

Влияние боярского правления. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с летами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную наклонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства.

Ранняя развитость и возбуждаемость. Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, Иван быстро рос и преждевременно вырос. В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте. В 1546 г., когда ему было 16 лет, среди ребяческих игр он, по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да говорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись. Эта ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению «про себя, втихомолку», надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость.

Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, уменье направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства. О чем бы он ни размышлял, он подгонял, подзадоривал свою мысль страстью. С помощью такого самовнушения он был способен разгорячить свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия. И тогда с его языка или из-под его пера, как от горячего железа под молотком кузнеца, сыпались искры острот, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты. Иван – один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли. Но это фосфорический блеск, лишенный теплоты, это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения.

Читая письма царя к князю Курбскому, поражаешься быстрой сменой в авторе самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушевности чередуются с грубой шуткой, жестким озлоблением, холодным презрением к людям. Минуты усиленной работы ума и чувства сменялись полным упадком утомленных душевных сил, и тогда от всего его остроумия не оставалось и простого здравого смысла. В эти минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишенные всякой сообразительности.

Изображение Иоанна IV Васильевича в молодые годы, приведенное в рукописи «Казанский летописец», хранящейся в Академии наук в Петербурге

Быстро перегорая, такие люди со временем, когда в них слабеет возбуждаемость, прибегают обыкновенно к искусственному средству, вину, и Иван в годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями, объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений. Разгром Новгорода по одному подозрению в измене, московские казни, убийство сына и митрополита Филиппа, безобразия с опричниками в Москве и в Александровской слободе, – читая обо всем этом, подумаешь, что это был зверь от природы.

Нравственная неуравновешенность. Но он не был таким. По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и, при малейшем житейском затруднении, охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожи-

дать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В 1577 г., на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене, он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «Поди ты к черту со своим Лютером».

В другое время он велел изрубить присланного ему из Персии слона, не хотевшего стать перед ним на колена. Ему недоставало внутреннего, природного благородства. Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым, впечатлениям. Он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества. В каждом встречном он, прежде всего, видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие. Для этого таким людям надобно ежеминутно давать чувствовать, что их любят и уважают, всецело им преданы, и, кому удавалось уверить в этом царя Ивана, тот пользовался его доверием до излишества. Тогда в нем вскрывалось свойство, облегчающее таким людям тягость постоянно напряженного злого настроения, – это привязчивость. Первую жену свою он любил какой-то особенно чувствительной, недомостроевской любовью. Так же безотчетно он привязывался к Сильвестру и Адашеву, а потом и к Малюте Скуратову. Это соединение привязчивости и недоверчивости выразительно сказалось в духовной Ивана, где он дает детям наставление, «как людей любить и жаловать и как их беречься». Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейские отношения больше тревожили и злили его, чем заставляли размышлять.

Но в минуты нравственного успокоения, когда он освобождался от внешних раздражающих впечатлений и оставался наедине с самим собой, со своими задушевными думами, им овладевала грусть, к какой способны только люди, испытавшие много нравственных утрат и житейских разочарований. Кажется, ничего не могло быть формальнее и бездушнее духовной грамоты древнего московского великого князя с ее мелочным распорядком движимого и недвижимого имущества между наследниками. Царь Иван и в этом стереотипном акте выдержал свой лирический характер. Эту духовную он начинает возвышенными богословскими размышлениями и продолжает такими задушевными словами: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня; ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих я не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь». Бедный страдалец, царственный мученик – подумаешь, читая эти жалобно-скорбные строки, а этот страдалец, года за два до того, ничего не расследовав, по одному подозрению, так, зря, бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город с целою областью, как никогда не громили никакого русского города татары. В самые злые минуты он умел подниматься до этой искусственной задушевности, крокодилова плача.

В разгар казней входит он в московский Успенский собор. Митрополит Филипп встречает его, готовый по долгу сана печаловаться, ходатайствовать за несчастных, обреченных на казнь. «Только молчи, – говорил царь, едва сдерживаясь от гнева, – одно тебе говорю – молчи, отец святой, молчи и благослови нас». – «Наше молчание, – отвечал Филипп, – грех на душу твою налагает и смерть наносит». – «Ближние мои, – скорбно возразил царь, – встали на меня, ищут мне зла; какое тебе дело до наших царских предначертаний!» Описанные свойства царя Ивана сами по себе могли бы послужить только любопытным материалом для психолога, скорее для психиатра, скажут иные: ведь так легко нравственную распущенность, особенно на историческом расстоянии, признать за душевную болезнь и под этим предлогом освободить память мнимобольных от исторической ответственности. К сожалению, одно обстоятельство сообщило описанным свойствам значение, гораздо более важное, чем какое обыкновенно имеют психологические курьезы, появляющиеся в людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, как русская: Иван был царь.

Черты его личного характера дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказал сильное, притом вредное, влияние на его политический образ действий, испортил его.

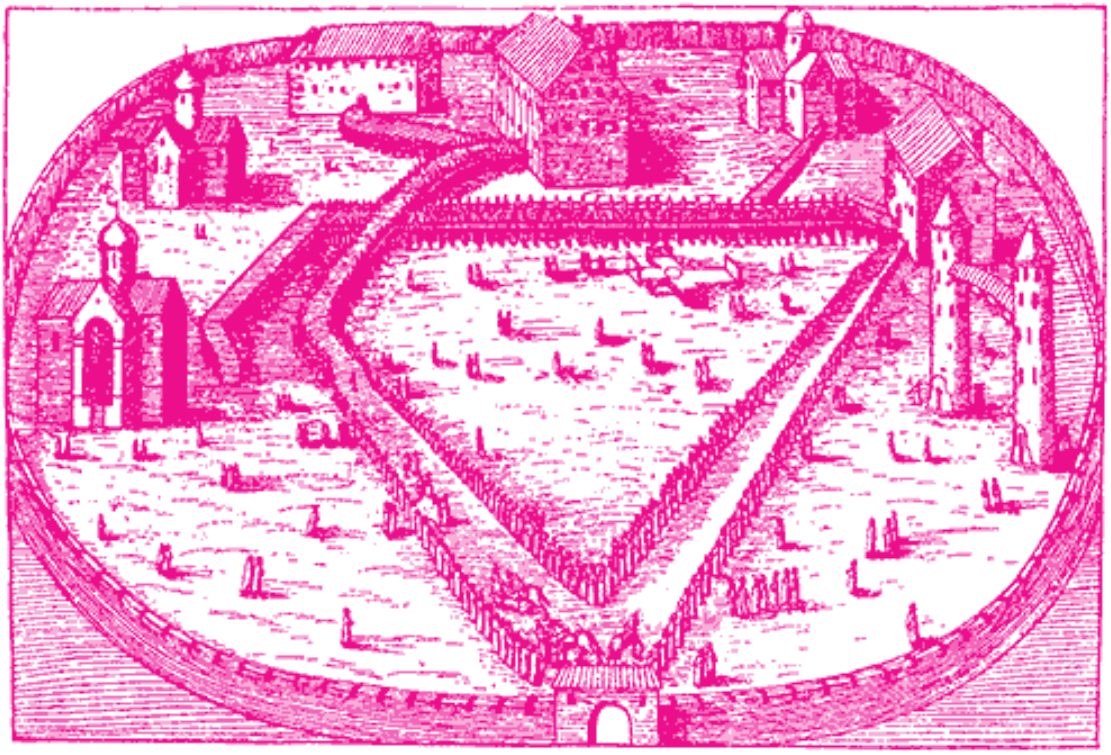
Ранняя мысль о власти. Иван рано и много, раньше и больше, чем бы следовало, стал думать своей тревожной мыслью о том, что он государь Московский и всея Руси. Скандалы боярского правления постоянно поддерживали в нем эту думу, сообщали ей тревожный, острый характер. Его сердили и обижали, выталкивали из дворца и грозили убить людей, к которым он привязывался, пренебрегая его детскими мольбами и слезами. У него на глазах выказывали непочтение к памяти его отца, может быть, дурно отзывались о покойном в присутствии сына. Но этого сына все признавали законным государем. Ни от кого не слышал он и намека на то, что его царственное право может подвергнуться сомнению, спору. Каждый из окружающих, обращаясь к Ивану, называл его великим государем; каждый случай, его тревоживший или раздражавший, заставлял его вспоминать о том же и с любовью обращаться к мысли о своем царственном достоинстве как к политическому средству самообороны.

Ивана учили грамоте, вероятно, так же, как учили его предков, как вообще учили грамоте в Древней Руси, заставляя твердить Часослов и Псалтырь с бесконечным повторением задов, прежде пройденного. Изречения из этих книг затверживались механически, на всю жизнь врезывались в память. Кажется, детская мысль Ивана рано начала проникать в это механическое зубрение Часослова и Псалтыря. Здесь он встречал строки о царе и царстве, помазаннике Божием, нечестивых советниках, блаженном муже, который не ходит на их совет, и т. п. С тех пор как стал Иван понимать свое сиротское положение и думать об отношениях своих к окружающим, эти строки должны были живо затрагивать его внимание. Он понимал эти библейские афоризмы по-своему, прилагая их к себе, к своему положению. Они давали ему прямые и желанные ответы на вопросы, какие возбуждались в его голове житейскими столкновениями, подсказывали нравственное оправдание тому чувству злости, какое вызывали в нем эти столкновения. Легко понять, какие быстрые успехи в изучении Святого Писания должен был сделать Иван, применяя к своей экзегетике такой нервный, субъективный метод, изучая и толкуя слово Божие под диктовку раздраженного, капризного чувства. С тех пор книги должны были стать любимым предметом его занятий.

От Псалтыря он перешел к другим частям Писания, перечитал много, что мог достать из тогдашнего книжного запаса, вращавшегося в русском читающем обществе. Это был самый начитанный москвич XVI в. Недаром современники называли его «словесной мудрости ритором». О богословских предметах он любил беседовать, особенно за обеденным столом, и имел, по словам летописи, особливую остроту и память от Божественного Писания. Раз в 1570 г. он устроил в своих палатах торжественную беседу о вере с пастором польского посольства, чехом-евангеликом Рокитой, в присутствии посольства, бояр и духовенства. В пространной речи он изложил протестантскому богослову обличительные пункты против его учения и приказал ему защищаться «вольно и смело», без всяких опасений, внимательно и терпеливо выслушал защитительную речь пастора и после написал на нее пространное опровержение, до нас дошедшее.

Этот ответ царя местами отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идет прямым логическим путем, натолкнувшись на трудный предмет, туманится или сбивается в сторону, но порой обнаруживает большую диалектическую гибкость. Тексты Писания не всегда приводятся кстати, но очевидна обширная начитанность автора не только в Писании и отеческих творениях, но и в переводных греческих хронографах, тогдашних русских учебниках всеобщей истории. Главное, что читал он особенно внимательно, было духовного содержания; везде находил он и отмечал одни и те же мысли и образы, которые отвечали его настроению, вторили его собственным думам. Он читал и перечитывал любимые места, и они неизгладимо врезывались в его память. Не менее иных нынешних записных ученых,

Иван любил пестрить свои сочинения цитатами кстати и некстати. В первом письме к князю Курбскому он на каждом шагу вставляет отдельные строки из Писания, иногда выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков или апостольских посланий и очень часто без всякой нужды искажает библейский текст. Это происходило не от небрежности в списывании, а оттого, что Иван, очевидно, выписывал цитаты наизусть.

Александровская слобода

Идея власти. Так рано зародилось в голове Ивана политическое размышление – занятие, которого не знали его московские предки ни среди детских игр, ни в деловых заботах зрелого возраста. Кажется, это занятие шло втихомолку, тайком от окружающих, которые долго не догадывались, в какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и, вероятно, не одобрили бы его усидчивого внимания к книгам, если бы догадались. Вот почему они так удивились, когда в 1546 г. шестнадцатилетний Иван вдруг заговорил с ними о том, что он задумал жениться. Но прежде женитьбы он хочет поискать прародительских обычаев, как прародители его, цари и великие князья и сродник его, Владимир Всеволодович Мономах, на царство, на великое княжение садились. Пораженные неожиданностью дум государя, бояре, прибавляет летописец, удивились, что государь так молод, а уж прародительских обычаев поискал.

Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом. Политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих, как тайком складывался его сложный характер. Впрочем, по его сочинениям можно с некоторой точностью восстановить ход его политического самовоспитания. Его письма к князю Курбскому – наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину полемические памфлеты против боярства и его притязаний. Попробуйте бегло перелистать его первое длинное-предлинное послание – оно поразит вас видимой пестротой и беспорядочностью своего содержания, разнообразием книжного материала, кропотливо собранного автором и щедрой рукой рассыпанного по этим нескончаемым страницам. Чего тут нет, каких имен, текстов и примеров! Длинные и короткие выписки из Святого Писания и отцов Церкви, строки и целые главы из ветхоза-

ветных пророков – Моисея, Давида, Исаии; новозаветных церковных учителей – Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста; образы классической мифологии и эпоса – Зевс, Аполлон, Антенор, Эней – рядом с библейскими именами Иисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Иевффая, бессвязные эпизоды из еврейской, римской, византийской истории и даже из истории западноевропейских народов со средневековыми именами Зинзириха Вандальского, готов, савроматов, французов, вычитанными из хронографов, и, наконец, порой невзначай брошенная черта из русской летописи. И все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, с калейдоскопической пестротой, без видимой логической последовательности всплывает и исчезает перед читателем, повинуясь прихотливым поворотам мысли и воображения автора. Вся эта, простите за выражение, «ученая каша» сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посолена тонкой иронией или жестким, иногда метким, сарказмом. «Какая хаотическая память, набитая набором всякой всячины», – подумаешь, перелистав это послание. Недаром князь Курбский назвал письмо Ивана «бабьей болтовней», где тексты Писания переплетены с речами о женских телогреях и о постелях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.